

УДК 821.512.145

ВЛИЯНИЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРАБСКОЙ И ПЕРСИДСКОЙ НАУКИ БАЛЯГАТЬ НА ТАТАРСКОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Д.Ф. Загидуллина

Аннотация

В статье рассматриваются истоки татарской теоретико-литературной мысли. После принятия ислама арабская филологическая мысль стала научной надстройкой, теоретическим руководством для тюркоязычных поэтов и ученых. У арабов в рамках единой поэтики (балягать) стали выделяться научные направления, основное из них – бадиг (бади), учение о поэтических фигурах, наряду с которым существовали гыйлем аль-магни (наука об образах), гыйлем аль байан (стилистика), накд-и адаби (литературная критика). Все направления ориентировались прежде всего на поэзию. Трактаты по этим направлениям были широко распространены среди поволжских тюрки. Наиболее разработанным оказалось стихосложение (гыйльме гаруз). Уже в XV – XVI вв. тюркские литературоведы предприняли ряд обработок учений арабских и персидских филологов с целью приспособления норм этого учения к особенностям своего языка: были созданы труды «Мизан аль авзан» («Весы стихотворных размеров») Алишера Навои, «Рисалия гаруз» («Книга о гарузе») Захираддина Бабура.

Ключевые слова: научно-теоретическая мысль, поэтика (балягать), поэтические фигуры.

После принятия ислама тюркские народы вошли в состав мусульманского мира, что в огромной степени определило их дальнейшее культурное развитие. По мнению Н.Ю. Чалисовой, «арабская литература дала иранским народам и новые темы, и новую лексику, и неизвестные ранее литературные формы, и наиболее сильно это влияние проявилось в области литературной теории, ядро которой было заимствовано у арабоязычных филологов» [1, с. 15]. То же самое можно сказать о литературе тюркоязычных народов. После принятия ислама арабская филологическая мысль стала научной надстройкой, теоретическим руководством для тюркоязычных поэтов и ученых.

В годы правления халифа аль-Мамуна (813–833) устанавливается самая благоприятная в истории Восточного халифата обстановка для развития естественных наук и философии. Наибольший размах приобретает переводческое движение – процесс ознакомления арабов с естественнонаучным и философским наследием античности. В центре внимания просвещенных кругов оказывается философия Аристотеля. Аристотелизм лег в основу учений, разработанных перипатетиками мусульманского Востока. Родоначальником последних считается аль-Кинди (около 800 – около 870), который первым среди арабов ввел в обиход основные концепции аристотелевской философии. Дальней-

шее развитие восточного перипатетизма связано с именами аль-Фараби (870–950) и Ибн-Сины (980–1037) [2, с. 20–21].

В тюркскую среду арабо-персидская философская и теоретико-литературная мысль проникает через переводы древнегреческих трактатов, прежде всего произведений Аристотеля. В востоковедении отмечается, что комментарии к «Поэтике» Аристотеля сыграли большую роль в формировании теоретико-литературной мысли на Востоке, чем сама «Поэтика». Наиболее обширные комментарии принадлежат перу аль-Фараби, Ибн-Сины и Ибн-Рушда.

В IX в. у арабов в рамках единой поэтики (балягать) стали выделяться научные направления, основное из них – бадиг (бади), учение о поэтических фигурах, ритме и рифме. Оно сложилось как результат становления «нового», «дивного» поэтического стиля – бадига. Учение приобрело очертания науки, сложившейся при Аббасидах, появились сочинения на арабском языке Ибн аль-Мугтазза (861–908), Ибн Кутайбы (828–889), Кудама бине Джагфара (умер около 922), Абу Халила аль-Аскари (умер 1005), Абдел Хасана Джурджани (умер 1079) и др. При этом деятельность философов предшествующего периода, занимавшихся собиранием и комментированием древней поэзии и древнегреческой философии, комментаторов Корана явилась благодатной почвой для включения в теорию «бадиг».

Первым, кто предпринял попытку изложения учения о стиле «бадиг» как самостоятельной дисциплины, был арабский ученый Абдаллах бине аль-Мугтазз (861–908), автор «Китаб ал-бадиг» (887–888). К середине 1916 г. трактат был переведен на русский язык, было проведено подробное исследование И.Ю. Крачковским [3].

Непосредственная цель этого сочинения заключалась в определении основных категорий, характеризующих стиль поэтов (ал-мухдасун), в обосновании «права на существование» этого стиля и обеспечении ему признания путем выведения его из наиболее авторитетных текстов арабо-мусульманской культуры – Корана, хадисов, древней поэзии. Автор перечисляет 5 фигур стиля «бадиг» и 13 «красот», «украшений» стиха и прозы [3, с. 180–235].

Ибн аль-Мугтазз установил взаимосвязь между выразительными средствами высокого стиля и назвал его «аль-бадиг» – «новое», «оригинальное», тем самым образовав из привычных для поэта и критика терминов неопределенного содержания четкую теорию. Его теория охватывает метафору (истигарэ), каламбур (таджнис), антитезу (мутабака), возвращение (раддел гадж галес-садр) и силлогизм (аль-мазхаб аль-калами) и представляет их как средства, образующие высокий стиль [4, с. 366]. «Китаб ал-бадиг» во второй половине X в. был признан мусульманскими интеллектуалами, и его воздействие стало глубоким и постоянным. Книга ввела в научный оборот понятие «бадиг» и развила его.

Последователи Ибн аль-Мугтазза расширили представления о фигурах. Так, Абдел Хасан Джурджани рассматривает 8 видов стиля «бадиг». Абу Халил аль-Аскари перечисляет 36 фигур. Кроме того, именно в первых трактатах по «бадиг», по мнению востоковедов, закладывается арабская литературоведческая традиция, филологизм которой был противопоставлен «логицизму» древнегреческих авторов [5, с. 47–48].

Окончательную форму учение приобретает в трудах ас-Саккаки (1160–1228), который излагает теорию «бадиг» как третью часть гыйлем аль-балягать (риторики) наряду с гыйлем аль-маани (наукой об образах) и гыйлем аль-байан (стилистикой). Среди комментаторов Саккаки наиболее известными были ал-Казвини (1267–1338) и ат-Тафтазани (1322–1390). По мнению М.Г. Кулиевой, ас-Саккаки переводит науку балягать «с критическо-эстетического аспекта на логико-грамматическое направление» [6, с. 153]. Наука уже не ограничивается исследованием субъективного стиля авторов, художественных средств, начинает предлагать определения и правила по использованию слов и приемов для совершенствования произведения.

Начиная с XII в. появляются аналогичные трактаты на персидском языке, однако, как отметила Н.Ю. Чалисова, персидская традиция с самого начала довольно сильно расходится с арабской прежде всего в составе рассматриваемых фигур [1, с. 71]. Именно сочинения персидских авторов наиболее активно распространяются на территории Поволжья и Приуралья в качестве учебной литературы, на такой теоретической базе изучается тюрко-татарская литература. Вплоть до начала XX в. татары пользовались системой терминов, определениями, предложенными авторами трактатов по «бадиг». Даже в первых книгах по теории литературы на татарском языке применялись терминология и система поэтических фигур персидских теоретиков.

Так, первым опытом по выявлению и определению поэтических фигур на фарси является «Тарджуман аль-балягать» Мухаммада бине Гумара Радуяни, который во вводной части упоминает, что на персидском еще нет подобных книг. В ней описано 77 фигур. Многие из них – игтираз, тафрик, тафсир, илтифат, ташбих, кинайат, истигарэ, тасик ас-сыйфат и т. д. – дошли до учебников начала XX в. Г. Сагди и др., в той же интерпретации, зачастую с тем же определением. Именно Радуяни ввел в обиход персидские литературоведческие термины, заложив основы для дальнейших исследований.

Известно, что при написании книги Радуяни обращался к арабоязычным сочинениям ал-Маргинани, аль-Исфахани и Ибн аль-Мугтазза [7, с. 12]. В отличие от арабских авторов, использовавших в качестве примера отрывки из Корана и хадисов, Радуяни иллюстрирует теоретические положения исключительно примерами из художественной литературы, выявляя творческую индивидуальность ее представителей.

Трактат Рашид ад-Дина Ватвата «Сады волшебства в тонкостях поэзии» («Хадаик ас-сихр фи дакаиш аш-шиир», XII в.) продолжает заложенное Радуяни нововведение. Трактат включает предисловие, 55 глав, каждая из которых посвящена рассмотрению одной фигуры «бадиг» или ее разновидности, и своего рода приложение, содержащее объяснение ряда общих терминов поэтической теории, а также несколько второстепенных фигур, относящихся к поэтическим формам, стихотворным изъясам. В дальнейшем это стало традицией. Ватватом были опущены некоторые важные фигуры, прежде всего касающиеся смыслового, содержательного аспекта произведения (кинайя, тагриз и др.), вместо них включены фигуры формального характера.

Наиболее известным среди поволжских тюрки стал трактат Шамседдина Мухаммад бине Кайс ар-Рази «Аль Мугаджам фи магайир ашгар аль-Аджам»

(1218–1233). Именно он впервые сознательно ограничивает свой выбор только самыми важными и наиболее распространенными фигурами (их у него всего 56), его считают основоположником аналитического метода в литературоведении.

Трактат Гатауллы Махмуда Хусайни «Бадаигъ ас-санаигъ» (1493) положил начало типологии фигур. Все художественные средства в нем разделены на три группы: 1) лафзи (словесные); 2) магнави (образные); 3) лафзи ва магнави (словесно-образные) [7, с. 16]. Именно Хусайни дает классификацию наук, изучающих художественную литературу:

1) гыйлем аль-балягать (риторика), состоящая из двух самостоятельных наук: а) гыйлем аль-магни (наука об образах); б) гыйлем аль-байан (стилистика);

2) гыйлем аль-бадигъ (поэтика). Внутри этих направлений формируется третья наука – литературная критика. Ведь всякое нарушение правил стихосложения как в системе метрики и рифмы, так и с точки зрения смысла и содержания считается «изъяном». Рассмотрение вопроса о допустимости или недопустимости тех или иных изъянов (направление накд-и адаби) послужило основой для появления литературной критики.

Литературная критика в Средневековье развивалась по двум направлениям, которые условно можно обозначить как практическое и теоретическое. Практическое характеризовалось тем, что поэты и писатели в своих сочинениях отзывались о творчестве конкретных писателей, теоретическое направление ознаменовалось появлением специальных научных сочинений. «...Критика существовала давно, еще во времена Омайядов, однако лишь на рубеже XIII в. она стала претендовать на самостоятельный научный подход... что впервые отчетливо прослеживается у Джахиза (первая половина X в.), особенно в «Китаб аль-байан» («Книге разъяснений»)» [8, с. 199]. Но еще Кудама бине Джагфар (888–968), автор книги «Критика поэзии» («Накд аш-шиир»), разбирает 20 «качеств» поэзии, имеющих отношение к ее четырем основным элементам: словесной форме (лафз), содержанию (магна), метру (вазн), рифме (кафийа) [9, с. 13]. В подобных сочинениях тщательно разъяснялись и классифицировались всевозможные общие «изъяны» произведений, а их со временем стали называть гыйлем накд-адаби (литературной критикой). Кроме того, в трудах по поэтике тоже уделялось внимание характерным и общим для многих сочинений «изъянам». Такая традиция продолжается и в первых книгах по теории татарской литературы.

Одной из основ арабской поэтики являлась метрика стиха, основателем которой был арабский ученый, языковед Халил ибн Ахмад Фарихиди (719–792). Вместе с религией ислама данная наука – «гыйльме гаруз» – проникает в тюркский мир. Появляются первые специальные сочинения теоретического характера, от которых в лучшем случае сохранились одни названия. Так, авторами первых трактатов на фарси об арузе и рифме считаются Абу Йусуф и Абу-л Ала Шуштари, о которых упоминает в своей книге Радуйани. Одно из сочинений под названием «Мухтасар» принадлежало перу современника Махмуда Газнавидского – Абу Сада Ахмада бине Мухаммада Маншури Самарканди. Впоследствии на него был написан комментарий под названием «Казн ал-га-райб» Хуршиди, также не дошедший до нас. Несколько трактатов составил

Рашиди Самарканди сохранилось название одной из книг – «Зиннат намэ» («Книга украшений») [1, с. 19].

Вскоре появились фундаментальные работы по персидскому гарузу, например «Рисалия жами мохтасар» Вахида Табризи, «Асас эл-иктибас» Насруддина Туси и др., внесшие отдельные изменения в метрику в связи с требованиями свойств национальной поэзии [10, с. 5].

Практика тюркоязычной литературы опиралась на арабо-персидскую теорию стиха, созданную на основе поэтических образцов на этих языках. В XV – XVI вв. тюркские теоретики предприняли ряд обработок учений арабских и персидских филологов с целью приспособления норм этого учения к особенностям своего языка. Так, были написаны труды «Мизан аль авзан» («Весы стихотворных размеров») Алишера Навои, «Рисалия гаруз» («Книга о гарузе») Захираддина Бабура.

Алишер Навои (1441–1501) – государственный деятель, крупнейший тюркский поэт, автор трактатов по поэтике, лингвистике, истории, а также библиографических сочинений. Был учеником поэта-суфи Абдуррахмана Джамии, под его влиянием вступил в суфийский орден Накшбенди. Его трактат «Мухакамат ал-лугатайн» («Суждение о двух языках», «Тяжба двух языков») (1499) доказывает художественное совершенство тюркского языка, не уступающего в этом фарси, а в некоторых случаях и превосходящего изобразительные возможности последнего [11, с. 148]. Общеизвестными стали его трактаты теоретического характера – «Рисалия мугамма» (1491), рассказывающий о жанрах стихотворной шарады и загадки, «Насаимел-махаббат» (1496), касающийся особенностей суфийской поэзии [12, с. 14–15].

Трактат А. Навои «Мизан аль авзан» («Весы стихотворных размеров») стал первым сочинением, где основы гаруза изложены на материале тюркоязычной литературы. Он дает представление об особенностях тюркского гаруза, указывая на некоторые отличия от арабского и персидского.

Так, изучив труды по арабскому и персидскому гарузу Фарихиди, Шамсе Кайс Рази, Насруддина Туси, Джамии и др., Навои приходит к выводу, что из восьми рукнов (основных столпов намаза) пять (мафагилун, фагилатун, мустафагилун, мафулату и фагулун) применяются в тюркских литературах наиболее часто. А различные сочетания рукнов дают девятнадцать основных родов гаруза [13, с. 24–25]. По мнению И.В. Стеблевой, такое осмысление различий тюркского и персидского гаруза могло явиться результатом многолетней поэтической практики на языке тюрки по нормам арабо-персидской поэтики [14, с. 286].

Основатель империи Великих Моголов в Индии Мухаммад Захираддин Бабур (1483–1530) был не только талантливым полководцем и крупным поэтом, но и ученым-теоретиком. Его труд по истории литературы «Бабурнамэ» посвящен описанию научных трактатов, анализу литературных произведений. Высоко оценив наследие А. Навои, Бабур указывает на его ошибки. Примечательно, что издавший в 1948 г. трактат Навои проф. Иззат Султанов признает правомерность критики Бабура [15, с. 32].

Бабур прославился как теоретик гаруза, создавший «Трактат о гарузе», известный в специальной литературе также под названиями «Рисалия гаруз» и «Мохтасар фи-л гаруз», «Мофассал» [16, с. 22–23]. Трактат посвящен рассмот-

рению гаруза на материале тюркоязычной поэзии, где определяются принципы приспособления арабо-персидской квантитативной метрики к тюркским языкам, не имеющим фонологического различия долгих и кратких гласных.

Основная часть трактата Бабура посвящена описанию особенностей применения гаруза в персидской и тюркской литературах. Вместе с тем автор детально разъясняет основные законы гаруза, обогатив тюркский гаруз новыми правилами. Продолжив начатое Навои, трактат Бабура обеспечил развитие тюркского гаруза как самостоятельного научного направления.

По мнению ученых, эти труды привели к появлению самостоятельной науки – тюркского гаруза. Трактаты были очень популярны среди татар и имели большое теоретическое и практическое значение, так как возникновение теоретико-литературной мысли в области стихосложения происходит на основе национальной художественной практики с учетом языковых особенностей. Они в какой-то мере наполняли пустоту в области теории стиха и выполняли роль научного руководства для поэтов. Тюрколог С.Е. Малов отмечает, что и татары переписывали и читали трактаты Навои, его книги стали «фактом развития тюркских литератур». Но они не стали тем национальным учением, которое указало бы пути дальнейшего развития стихосложения.

Summary

D.F. Zagidullina. The Influence of Medieval Arabic and Persian Rhetoric Science (Balagat) on Tatar Literature Studies.

The article views the bases of Tatar theoretical-literary thought. Turk peoples having adopted Islam, the Arabic philological thought became a theoretical guidance for Turk-speaking poets and scientists. Within the holistic poetics (*balagat*) of the Arabs, some scientific directions were specified, the main one being (*badi'*), i. e. the science of poetic figures. There existed 'ilm-al-ma'ni (science for characters), 'ilm-al-bayan (stylistics), naqd-i adabi (literary criticism) as well. All these were mainly oriented at poetry. Works on these directions were widespread among the Volga Turki. The most developed one was versification ('ilme garuz). In 15–16th centuries the Turk theoreticians tried to modify this Arabic and Persian scientific trend in order to adjust its standards to the specifics of their own language. In this respect, scientific works of Alisher Navoi "Mizan al-Awzan" (Scale of Measure), Zahiraddin Babur "Risalya Garuz" (The Message of Garuz) are to be mentioned.

Key words: scientific-theoretical thought, poetics (*balagat*), poetic figures.

Литература

1. Чалисова Н.Ю. Рашид ад-Дин Ватват и его трактат «Сады волшебства в тонкостях поэзии» // Рашид ад-Дин Ватват. Сады волшебства в тонкостях поэзии / Пер. с перс. Н.Ю. Чалисовой. – М.: Наука, 1985. – С. 9–82.
2. Сагадеев А.В. Ибн-Сина (Авиценна). – М.: Мысль, 1985. – 134 с.
3. Крачковский И.Ю. Ибн ал-Мугтазз. У. «Китаб ал-бадиғ» // Избранные соч. Т. VI. – М.-Л., 1960. – С. 179–246.
4. Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – Т. 2. – 702 с.
5. Киктев М.С. Абу-л Хасан Ал-Джуржани (вторая половина X в.) о метафоре («арабское» и «греческое» в средневековой арабской филологической теории) // Пробле-

- мы арабской культуры: памяти акад. И.Ю. Крачковского. – М.: Наука, 1987. – С. 45–49.
6. *Кулиева М.* Вопросы теории арабской литературы на основе «Мифтах ал-улум» Ас-Саккаки: Дис. ... канд. филол. наук. – Баку, 1983. – 162 с.
 7. *Мусульманкулов Р.* Персидско-таджикская классическая поэтика (X – XV вв.). – М.: Наука, 1989. – 240 с.
 8. *Каскель В.* «Китаб ал-бадиг» и ее место в арабской поэтике и риторике // Арабская средневековая культура и литература: сб. ст. заруб. ученых. – М.: Наука, 1978. – С. 199–202.
 9. *Сагадеев А.* Из истории эстетической мысли народов Ближнего и Среднего Востока (эпоха средневековья): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1964. – 16 с.
 10. *Аллахвердиев Т.* Труд Хатиба Тебреси «Китаб ал-кафи фи-л-аруз ва-л-кавафи» как источник по восточной поэтике. – Баку: Элм, 1992. – 212 с.
 11. *Насилов Д.М.* Лингвистические взгляды Алишера Навои // История лингвистических учений: Средневековый Восток / Отв. ред. А.В. Десницкая, С.Д. Кацнельсон. – М.: Наука, 1981. – С. 145–151.
 12. *Маллаев Н.* Гениальный поэт и мыслитель. Материалы для лекций и докладов к 525-летию со дня рожд. Алишера Навои. – Ташкент, 1968. – 55 с.
 13. *Хамраев М.* Очерки теории тюркского стиха. – Алма-Ата: Мектеб, 1969. – 355 с.
 14. *Стеблева И.В.* О проникновении арабо-персидских метров в тюркоязычную поэзию // Проблемы теории литературы и эстетики в странах Востока. – М.: Наука, 1964. – С. 283–287.
 15. *Хамраев М.* Веков неумирающее слово. Литературоведческие статьи. – Алма-Ата: Жазушы, 1969. – 204 с.
 16. *Стеблева И.* Трактат Бабура об арузе // Захираддин Мухаммад Бабур. Трактат об арузе. – М.: Наука, 1972. – С. 13–32.

Поступила в редакцию
10.06.08

Загидуллина Дания Фатиховна – доктор филологических наук, заведующая кафедрой методики преподавания и современной татарской литературы Казанского государственного университета.